

КАТЯ КАЧУР

КАТЯ КАЧУР

ГЕН
РАФАИЛА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Evgeny Haritonov, Corri Seizinger / Shutterstock.com;

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© FGraphix / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Оформление серии *Е. Петровой*

Качур, Катя.

К30 Ген Рафаила : роман / Катя Качур. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197171-7

Он — командир по должности, она — по жизни. Он — способен на подвиг, она — на убийство. Он вырастил сына, она — десятки детдомовцев. Они одиноки и вынуждены жить под одной крышей. Генерал полиции в отставке и его теща — сельская учительница литературы. В маленьком домике завожской деревни Анатолий и Батуговна ежедневно ведут кровопролитные бои. И, кажется, у них нет ничего общего. Кроме одного врага на двоих — беглого зэка Рафаила. Именно схватка с собственным прошлым в его лице выводит жизнь непримиримых родственников на новый уровень...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Качур Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-197171-7

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В окошке железной раскаленной будки сатанело лицо билетерши. Оно было маслянистым и пузырчатым, как доведенный до совершенства блин на сковороде. К блину устремилась змейка из робких граждан, мечтающих взять билет на ближайший «Омик» — ржавый речной теплоходик постройки семидесятых годов. Следующий «Омик» отходил от пристани только через полтора часа, а значит, неуспевшим грозили либо солнечный удар на городском пляже без зонтиков, либо глубокий обморок в здании речного вокзала без кондиционеров.

В этой очереди я была последней. Волосы мои, еще в аэропорту развеваемые сплит-системами, ныне прилипли ко лбу и шее, истекая солеными струями. Платье-футляр из хлопка пропиталось потом и словно пошлый латекс подробно обтягивало формы. Босоножки на шпильке и тонких лямках отделились от влажных стоп и жили своей развязной жизнью. Кожаный шопер натер плечо и стремился на свободу — к бастующим туфлям. Очевидно, лук и макияж не соответствовали атмосфере кипящей набережной. По сравнению со мной старухи, прожженные солнцем, в свободных рубашках и бездонных юбках, с бидонами и холщовыми сумками, казались гораздо более уместными, органичными и производили впечатление людей, ладящих с собственными головами.

Наконец подошла очередь.

— Вы принимаете карты? — спросила я билетершу, с трудом елозя во рту сухим языком.

— Ополоумела, курва? — взвилась огненная тетка. — Ты здесь хоть одну розетку видишь? Только наличные.

— Сколько стоит билет?

— Тариф на стене, — буркнула она, утирая капли с блинного лица.

На выкрашенной в лазурь будке действительно висел тетрадный лист, разлинованный и исписанный от руки. Буквы выгорели.

Поднимая и приспуская очки, я пыталась найти нужную строчку.

— До отправления две минуты. Куда надо?

— Остров Рафаила.

— Семьдесят два рубля пятьдесят копеек.

Я протянула стольник, радуясь, что в кошельке были хоть какие-то купюры. Билетерша загремела мелочью в жестяной банке, отсчитывая сдачу.

— Боже, не надо! — взмолилась я.

— Боже тебе ничего и не даст, — пробурчала она, отрывая билет от толстого рулона.

Я, спотыкаясь, влетела по деревянному трапу в салон теплохода и застыла, не успев приземлиться. На длинных драных скамьях впритирку друг к другу, с плотностью бочковой сельди, сидели пассажиры: старики, бабки, дети, собаки, кошки. В проходе между скамьями теснились ведра и корзины, прикрытые тряпками в сочных разноцветных пятнах. Из города к приволжским поселениям люди ехали пустыми — распродали урожай на рынках. Но даже от полых кастрюль и лукошек к облепленному мухами потолку восходил густейший, плотный как силикон, запах июльских ягод: лоснящейся клубники, смородины всех мастей, белого тугого винограда, свинцово-синей ежевики и бесстыжей забро-

дившей кроваво-черной вишни. Воздух, а точнее, его отсутствие сковало мой мозг, сознание отключилось, и я рухнула на колени ближайшего деда, прокуренного и вонючего, но цепко обхватившего мои бедра корявыми пальцами.

— Куды намылилась, красотка? — На мое лицо кто-то лил воду прямо из красного пожарного ведра.

— На Остров Рафаила, — я попыталась вырваться из дедовых лап. — А можно на палубу выйти?

— Палуба, дорогуша, на яхте миллионера. А у нашего «Омика» — тридцать сантиметров воздуха между салоном и бортом. Да ты там и не уместисься.

Я не поверила, встала и, шатаясь, вывалилась в первый открытый проем. Дед не обманул. Палуба была забита народом настолько, что салон показался мне практически безлюдным. Мускулистый парень, стоявший с краю, подвинулся бочком и дал возможность прислониться к перилам. Зеленая волна с цветущими в толще водорослями лениво обволакивала ржавый борт. Река не освежала. Снижая скорость, «Омик» отворачивался от большого города на горизонте и прижимался к диким зеленым берегам. На темечко мне упало несколько горячих капель, запуская поток мурашек по липкому позвоночнику.

Я подняла голову: из приоткрытой форточки салона (черт побери, да почему же их нельзя распахнуть настезь!) свисал длинный фиолетовый язык. Его хозяин — гигантский меховой чау-чау, похоже, не надеялся выжить в этом пекле, зрачки были обморочно закатаны, дыхание сбилось на хрип, слюни, концентрации сахарной патоки, текли, разбиваясь о макушки и плечи пассажиров. Я вновь вернулась в салон.

— Далеко еще до Острова Рафаила? — спросила у деда.

— Нет, пару остановок. Это между Большой Грязью и Запёздьем.

— Чем, простите?

— Запёздьем, — невозмутимо ответил дед.

У меня смешались все пазлы. Я ехала в эту глушь, потому что случайно увиденное в интернете географическое название «Остров Рафаила» полгода будоражило мое воображение. Я хотела понять, как, чем руководствовались люди, дав деревне на берегу Волги имя архангела из Ветхого Завета. Но Запёздье, следовавшее напрямиком за Островом Рафаила, показалось мне апогеем народной логики. Это как Зазеркалье, Заполярье, Запределье... За гранью всего живого, святого, стыдливого, порочного. За чертой, куда невозможен вход самим архангелам, не говоря уже о нас, потных и грешных.

— А кто там живет, в Запёздье? — Меня болтало на поворотах дряхлого судна.

— Кто-кто: пёзды и бздуны, — ответила бабка, соседствующая с дедом на лавке.

— О боже, кто же еще там может жить, — вырвалось у меня. — А если я выйду в Запёздье, то смогу по берегу попасть на Остров Рафаила?

— Конечно сможешь! Там пятнадцать минут пёху. А зачем тебе на Рафаила? — спросил дед.

— Хочу узнать, почему остров назван именем святого.

— Какого святого? — всплеснула руками бабка. — Да это погоняло нашего беглого зэка — Рафа Баилова. Он тут пять лет прятался в лесах да пещерах. Так и не нашли. Вот и прижилось название. А как чиновники приехали три года назад, карту побережья обновлять, так провели референдум и переименовали деревню «Большие Грязи-2» в «Остров Рафаила». Ты вот что больше любишь: клубнику или виноград?

— Клубнику, — я теряла смысловую цепочку.

— Тогда тебе в Запёздье, — продолжила бабка, — там клубника — чистый сахар. А дойдешь до Рафаила — купи виноград. Такого в жизни не едала. Ранний, сочный, медовый.

* * *

Это было полным разочарованием. Над деревянной пристанью, куда с «Омика» вместе со мной спустилось пять человек, красовались синие железные буквы «ЗАПОЗДЬЕ».

Вот черт! Я даже не стала делать селфи. Одна буква убила все мои фантазии, перечеркнула целую главу о закоулках мироздания и сакрального женского начала, за которым бездна непознанного, неизбитого...

В общем, главу, которую обязательно бы воткнула в один из ближайших романов.

Я купила на пристани стакан клубники и, утрамбовав босоножки в шопер, пошла босиком по кромке Волги в обратную сторону — откуда меня привез теплоход.

Берег сначала был ласковым, песчаным, затем бугристым, щебневым, потом краеугольным, режущим стопы. В итоге — вообще закончился, упершись в выступ безжизненной скалы.

Я шла уже больше часа, от клубники саднило в животе, и пристань Острова Рафаила вот-вот, по моим подсчетам, должна была возникнуть перед глазами. Карабкаясь вдоль серых камней по-паучьи, сдирая колени и лодыжки, я кляла деда с бабкой, для которых этот адский путь был «пятнадцатью минутами пёху». Обогнув гору, Волга вновь наградила меня берегом с осколками бутылок. Солнце садилось, воздух стал сереть, вдали наконец показались огни чужой жизни.

Я прошла еще метров двести и села на разбитое волнами бревно в полном изнеможении. Темнело стремительно, ближайшее будущее было неопределенным. «Омики» в город уже не ходили, на Острове Рафаила у меня не было знакомых. Гостиницы в поселении на двести человек не числилось. Об этом Гугл сообщил мне еще в Москве. Спина и плечи, несмотря на солнцезащитную «Нивею», обгорели до мяса. Комары рвали это мясо, как шакалы — раненого льва. Хотелось пить. Но разум подсказывал, что ни ларьков, ни магазинов я до утра не найду. Тем более принимающих карты. Накатывало тупое, безысходное отчаяние.

Не скажу, сколько пришлось просидеть в оцепенении, но волосы зашевелились, когда уже в крошечной темноте мимо меня пронеслось нечто невообразимое. Горящие фосфорические круги и выше над ними — такого же свечения острые треугольные рога металась по воде с хрипящим рыком. Нечто мистически хищное — леший, черт или еще какой вурдалак — явно вело охоту и, учуяв добычу, накинулось на меня шерстяным вонючим телом.

Я заорала, раздирая связки, упала в воду, зажмурилась и закрыв голову руками. Что-то мусолило мои руки и волосы липким шершавым языком, и когда, на секунду подняв веки, я вновь увидела горящие рога, сознание покинуло меня уже насовсем.

— Вот гадский же засранец! Куда ты уволок курицу, тварь безмозглая! Кого ты еще тут напугал, окаянный. Отрежу тебе чертовы яйца, и пусть убьет меня Анатоль!

Я открыла глаза. В цветных от шока полукружиях передо мной на корточках сидела толстая бабка, сплошь в морщинах, и хлестала меня по щекам.

— Бооольно, — простонала я.

— Больно, значит, жива, — подытожила бабка. — Ты пьяная, штоль?

— Нееет...

— А чо в воде валяешься?

— Уродище меня опрокинулоооо...

— Это Хосе, знакомься. — Она подтащила к моему лицу огромного черного пса со светящимися треугольными ушами.

— Здравствуй, собака... Баскервилей. А где твои огненные глазищи?

— Это не глаза, это крашенные яйца, — пояснила бабка и ловко развернула двухметрового пса ко мне задом. Под обрубком хвоста болтались два упругих серебряных буфера.

— На Пасху покрасили? — уточнила я, отходя от шока.

— Нет, они у него на морозе мерзнут, трескаются, и Анатолий мажет их гелем «Алюминий плюс». И уши мажет. Они у Хосе купированные, очень нежные.

— Ааа, — я понимающе кивнула. — Сейчас, значит, сейчас у вас мороз...

— Ну, мороз тут зимой, конечно. А летом, это значит, от ожога. Хороший гель — «Алюминий плюс» называется. Запомни.

— Намажьте мне, пожалуйста, мозги, — попросила я. — Они у меня на хрен треснули от ваших здешних мест.

Бабка как-то по-детски рассмеялась, разбегаясь волной морщинок от губ к волосам, и подобрела:

— Ты ваще к кому приехала?

— Да ни к кому. Турист я, писатель, журналист. Купилась на крутое название «Остров Рафаила». Думала, одним днем вернусь, посмотрю, что за остров такой. Опоздал самолет из Москвы. Багаж мой со спортивными вещами по ошибке вместо Самары улетел в Саратов. Потом эти, на «Омике», говорят: езжай в Запёздье. А оно

вообще не Запёздье ни разу, а Запоздье. Они обещали до Рафаила пятнадцать минут ходу, а мне два часа пришлось по берегу перетяся, — я закрыла ладонями лицо, осознавая, какую чушь несусь.

Но бабка все поняла.

— Это поверху пятнадцать минут, а полуостров-то на семь километров в Волгу выпирает. Вот ты и плюхала два часа. Пойдем, переночуешь. Завтра утром уедешь.

— Как вас зовут? — Я плелась за ней к нескольким домам, разномастно покрывающим гору.

— Батутовна, — ответила моя спасительница, отмахиваясь от табуна комаров.

Имена собственные на этой дикой территории меня уже нисколько не удивляли.

«Значит, папа — Батут, монгол какой-нибудь», — только и подумала я.

— Хосе, мать твою, куда ты зарыл курицу? — гаркнула Батутовна на собаку Баскервилей. Неуклюжая псина догнала нас и, как несмышленый щенок, тыкалась в колени, сбивая с ног.

— Курица живая? — уточнила я.

— Уже нет, потрошена. Хосе со стола спер, ужин я готовила Анатолю. Не жрет он траву, мясо ему подавай.

— Анатолий — это муж? — Я даже не пыталась понять, кто именно не жрет траву.

— Зять, ни хрена с него не взять, — пробурчала бабка. — Это он, балбес, за собакой не уследил.

* * *

Анатоль вернулся домой, когда мы уже сидели в садовой беседке и пили чай с кабачковыми оладушками. Непонятно откуда доносились виртуозные переборы гитары.

— Здыявствуйте, сударыня, — сказал он, запыхавшись, и слегка поклонился. — Простите за мой вид, совершенно не был готов к поздним гостям.

Свободно валандаясь в коленях, на нем висели тонкие синие треники в репьях, к волосатому торсу прилипла майка-боксерка. Пальцы ног с пожелтевшими ногтями были растопырены и еле удерживали сланцы на тонкой подошве. В остальном он был прекрасен. Карие глаза, крупный правильный нос, рисованные тонким грифелем губы. Красивейшая градуированная седина в висках. Нет, я бы даже сказала, в бакенбардах. Единственная мысль, пришедшая на тот момент в голову, — Анатолий Курагин из «Войны и мира».

— Курагин, скажи? — продублировала мою догадку Батутовна, посмотрев в сторону зятя.

Я кивнула. В Анатоле чувствовалась былая мощь и военная выправка.

— Где Хосе? — спросил герой Льва Толстого, и я догадалась, что все это время он был в поисках бешеного пса.

— Где, где? В манде! — зарифмовала Батутовна и ткнула пальцем под стол. Там, между нашими ногами, развалилась на спине гигантская черная псина, поблескивая в свете ночного фонаря своими серебряными яйцами и запылившимися ушами.

— Вот сволочь! Простите, мадам... я, пожалуй, срежу вам свежую ветвь винограда, — Анатолий, по-гусарски сдерживая гнев, удалился в кусты.

— Давай-давай, сделай что-нибудь полезное! — крикнула ему вслед Батутовна, а затем обратилась ко мне: — Ну а ты кто такая? Чем занимаешься?

— Я — писатель.

— А кормит кто? Муж?

— Да нет, сама кормлюсь, то здесь, то там...

— Кто ты читает-то?

— Да... читают понемногу. По моим романам спектакль обещают поставить. Фильм снять...

Она изменилась в лице и осмотрела меня с ног до головы.

— Ну, это другое дело! Я те щас столько всего расскажу — десять фильмов снимут! Триллеров! Блокбастеров! Да, Анатоль? — обратилась она к подошедшему Курагину с блюдом прозрачного розового винограда.

— Да угомонитесь уже, мама, — сказал он, поджав губы. — Наши с вами баттлы никому не интересны. Жуйте виноград! А вы, сударыня, — он кивнул мне, улыбнувшись уголком рта, — делите все на двадцать восемь. Она наврет, дорого не возьмет. Оцените лучше мой урожай. Вот этот — побледнее — сорт «Парижанка», а этот — лиловый — «Мускат Новошахтинский». Пробуйте, наслаждайтесь.

Анатоль откланялся, и я, невзирая на его легкую картавость и костюм деревенского бича, вытянула шею, как Наташа Ростова, и церемонно кивнула:

— Благодарю.

— Ему бы гусарский доломан, скажи? — уловила мое настроение Батутовна. — Расшитый золотом, с эполетами, а?

— Точно! — ответила я, глядя на фигуру Анатоля, тающую в темном коридоре убогоного дома.

Невозможно было не заметить, как подтрунивала Батутовна над зятем в его присутствии и как гордилась им за глаза.

— А что за баттлы? — Я, запихивая в рот сладчайшую виноградину, рассчитывала на забавную семейную историю.

— Да это, дорогая моя, настоящая трагикомедия, — с набитым оладушками ртом ответила Батутовна. —

Я бы даже сказала — трагифарс! Ты раздевайся, снимай лифчик, Анатолий уже не выйдет до утра.

Она подала мне пример, скинула с себя просторный трикотажный сарафан и осталась в одних трусах. Я сделала то же самое. Так мы и сидели, распустив по животу груди, в свете немытого фонаря, под храп серебряйцевого Хосе и струнные переборы фламенко, пока люминесцентно-алый, как волжский восход, петух не проорал на заборе зарю.

Я оделась, расцеловала Батутовну и пошла к пристани — в страхе поднять глаза, расплескать услышанное, потерять словечко, пугаясь ненужных впечатлений, которые могли бы оторвать меня от главного.

Не помню, как долетела домой. Кажется, пришлось подарить авиакомпании потерянную сумку. Но, добравшись наконец до компьютера, я налила пол-литровую кружку кофе и набила в окошке ворда: «БАТТЛ ПЕРВЫЙ».